

РАЗРЫВ МОТИВАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СЛОВАМИ КАК РЕЗУЛЬТАТ СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДИФИКАЦИЙ

«Проблема поиска соотношения материального и идеального, плана выражения и плана содержания, формы и значения продолжает оставаться актуальной в любой социальной, политической или научной ситуации, своеобразно проникая сквозь время и пространство, какие бы смены научных парадигм ни потрясали учёный – и прежде всего лингвистический – мир. Однако именно изменение акцента, угла зрения в тех или иных взглядах и позициях позволяет по-новому увидеть и интерпретировать многие аспекты этой «вечной» проблемы философии и языкознания» [1, с.86].

Проблема стирания «внутреннего образа слова» в рамках мотивологического подхода сводится к изучению явления демотивации слов (явлению утраты словом его мотивированности). В связи с этим сохраняет актуальность выявление сущностных свойств демотивации (ДМ) на фоне других изменений в слове – фонетических, морфологических, лексических, тех факторов, которые поддерживают стирание мотивационных отношений.

Язык, существуя и развиваясь во времени, не «может представлять собой мёртвое пассивное орудие, готовую застывшую массу» [2, с.82], он непрерывно преобразуется «в ответ на всякий духовный сдвиг, поэтому в языке, как в непрестанном горении человеческой мысли, не может быть ни минуты покоя» [2, с.158]. Изменение является одной из форм существования языка, который постоянно стремится к совершенствованию. Анализ различного рода языковых изменений связывается с понятием «динамика», которая предполагает в первую очередь исследование комплекса причин, вызывающих модификации в его составе и структуре.

Существенной причиной, вызывающей ослабление мотивационных связей слов, а затем и утрату внутренней формы слова (ВФС), являются противоречия

внутри языковой системы, к примеру, различного рода семантические сдвиги в историческом развитии лексических единиц.

«Семасиологическая сторона наших слов не есть нечто постоянное и устойчивое» [3, с.11], как и все элементы языка, смысловая структура слова находится в состоянии непрерывного развития. В связи с этим семантические преобразования, происходящие в мотивированном или мотивирующем слове, не могут не повлиять на характер ВФС. Многие исследователи считают семантический аспект изучения ВФС одним из сложнейших в ходе этимологического анализа, т.к. «системность и закономерность семантических изменений далеко не столь очевидна, как в области фонетики и морфологии» [4, с.31]. Кроме того, трудность установления закономерностей в процессах изменения значения объясняется тем, что они, в отличие от формальных, чаще всего не внутриязыковые, а «ведут за пределы языка, с одной стороны, в область мышления и психологии, с другой, - к объективной действительности: к истории, социологии, культуре, быту народов» [5, с.73].

В массе сложных семантических процессов, приводящих к ДМ, можно выделить наиболее важные типы изменений. К их числу относятся следующие.

1. Изменения, которые произошли в семантике первичного мотиватора слова. В этом случае оба слова функционируют в языке, но отношения мотивированности полностью утрачены по причине выпадения из современной системы языка одного из значений мотивирующего. Отсюда ранее мотивированная единица превращается в демотивированную. Так, сущ. *врач*, исходным значением которого было «тот, кто лечит наговором», первоначально мотивировалось гл. *врать* в значении «говорить». Утрата данного значения у слова *врать* привела к ДМ сущ. *врач*. В слове *мещанин*, исторически производном от сущ. *место*, которое употреблялось в ныне утраченном значении «город», изменение семантики мотиватора повлекло за собой разрушение мотивационных связей. Аналогичные примеры:

Бурьян – от гл. *бурить* «разорять, разрушать» (растение названо по буйному росту и разрушающему действию). Ср. современное значение «делать скважину».

Варежка – от гл. *варить* в знач. «защищать». Совр. знач. «подвергать тепловой обработке».

Гроб – от гл. *грабить* в знач. «грести». Совр. знач. «воровать».

Калина – от сущ. *кал* «грязь» (растёт на влажной почве). Совр. знач. «испращения».

Ковыль – от гл. *ковать* «биться, трепаться» (трава колыхается от ветра). Совр. знач. «обрабатывать раскалённый металл».

Ошибка – от гл. *ошибиться* «нанести удар мимо цели». Совр. знач. «сделать что-либо неправильно».

Простыня – от прил. *простой* в знач. «прямой»; *простыня* букв. «прямое полотно». Совр. знач. «незамысловатый, несложный».

Сметана – от гл. *сметать* «сгребать, собирать в кучу». Букв. «собранное, взбитое молоко». Совр. знач. «подметать, производить уборку».

Чеснок – от гл. *чесать* «требушить» (название дано по способу разделывания луковицы). Совр. знач. «скрести, разравнивать».

2. Изменения, которые произошли в мотивированном слове. Изменение семантики слова, как правило, не одномоментный акт, а результат накопления нового в недрах старого. Вначале «неочевидные», «неявные» семантические сдвиги переходят в устойчивые, узуальные, что в конечном итоге приводит к формированию новых значений. В смысловой структуре мотивированных слов смещается лексико-семантический центр, и на базе основного значения образуется частное, которое закрепляется в качестве единственного. Объём значения лексической единицы не статичен, он в разные периоды существования слова может как сужаться, так и расширяться. Отсюда изменения в мотивированном слове делятся на две разновидности: преобразования, вызванные расширением семантического объёма и сужением лексического значения слова.

А) Преобразования, характеризующиеся расширением семантического объёма мотивата. «Расширение объёма применения выступает в тех случаях, когда в новом употреблении слово охватывает больший круг понятий, т.е. может быть употреблено как средство называния шире, чем раньше» [6, с.71]. Семантическая структура расширяется в результате деления одного значения на два разных или в результате перехода оттенка в самостоятельное значение. Например, сущ. *плотник* сегодня не вызывает представления о человеке, изготавливающем плоты, хотя первоначально обозначало «мастер по плотам, скреплению брёвен». Предельно расширив свою семантику, слово приобрело более широкое значение «столяр, мастер по деревообработке», что и послужило причиной ДМ. Другой пример: сущ. *подоплёка* первоначально было связано со словом *плечо*, поскольку обозначало «подкладка у рубахи от плеч до груди». В процессе семантического переосмысления у данного существительного появилось более отвлечённое и обобщённое значение «действительная, но скрытая причина каких-либо действий».

Масть – от гл. *мазать*. *Масть* первонач. «жир», затем «то, чем смазывают, окрашивают», далее «цвет (о лошадях, картах)».

Облава – от сущ. *лов* «охота». Первонач. «отряд, войско», затем «цепь людей, окружающих место для захвата», далее «засада».

Образ – от гл. *разить* «ударять». Первонач. «удар, след от удара», затем «то, что вырезано, выбито», далее «вид, форма, облик».

Обруч – от сущ. *рука*. Первонач. «украшение, носимое на руке, на запястье», далее «обод».

Рубеж - от гл. *рубить* «делать зарубки». *Рубеж* первонач. «зарубка, черта», затем «граница».

Союз – от сущ. *узы*. Первонач. «то, чем можно связать, путы», затем «единение, связь».

Чепуха – от сущ. *чеп* «щепка, крошево». Первонач. «очистки, отходы», затем «что-либо незначительное, пустяк», далее «вздор».

Приведённые примеры показывают, что значение ранее мотивированных единиц, расширивших свою семантику, изначально являлось конкретным, в дальнейшем на его основе развивается абстрактное значение, т.е. в процессе расширения семантики увеличивается предметно-вещественное содержание слова и сфера его применения. Общая тенденция семантического развития от конкретного к абстрактному отражает реальные сдвиги, происходившие в мышлении человека на протяжении многовековой истории человеческого общества.

Б) Семантическое движение, в котором наблюдается сужение лексического значения слова. Это процесс, противоположный процессу расширения объёма значения. В результате его действия слова приобретают более узкий смысл, нежели раньше. В лингвистике данное явление называют конкретизацией или специализацией значения. Сужение значений связано с дифференциацией признака, т.е. обобщением группы признаков в одном значении слова. Этот языковой феномен иллюстрирует сущ. *ворот*. Первоначально так называлось «всё то, что вращается, поворачивается», затем – «часть тела, шея». Позднее закрепилось значение «край одежды, облегающей шею, вырез для ворота (шеи)».

Дача – от гл. *дать*. Первонач. «то, что даётся, отдаётся», затем «дарованная князем земля», затем «земельный участок», далее «загородный дом для отдыха».

Знамя – от сущ. *знак*. Первонач. *знамя* - «отметина», далее «флаг».

Зоб – от гл. *зобати* «есть». *Зоб* первонач. «пища вообще», затем «то, с помощью чего поглощают пищу, т.е. горло».

Игла – от **jьgo* «иго, ярмо». Первонач. «ремень для стягивания ярма», затем «тонкая заострённая палочка, которой стягивалось ярмо», далее «инструмент для шитья».

Палка – от гл. *палить* «жечь». Первонач. «то, что сжигают», затем «орудие для добывания огня», далее «ветвь дерева».

Позор – от гл. *позреть* «посмотреть». Первонач. «взгляд», затем «зрелище», затем «зрелище, оскорбляющее чью-либо честь», далее «постыдное положение».

Росомаха – восходит к *розсъмокъ*, где *смок* «дракон, змей» (ср. *смоктать* «высасывать»). Первонач. *росомаха* «злой дух, злая сила», затем «опасный хищник из семейства куньих».

Ружьё – из сущ. *оружие*. Первонач. *ружьё* «вооружение», затем «один из предметов вооружения», далее «ручное огнестрельное оружие».

3. Развитие лексического значения слова, при котором наблюдается образование смысловой отдалённости между мотиватом и мотиватором. Утрата мотивационных отношений связана с большим расхождением старой ВФС с фактическим его употреблением в языке, что может быть вызвано редкой (нулевой) актуализацией мотивационных отношений данного слова. Так, слово *нёс* «собака» уже не ассоциируется с его первоначальным мотивирующим *нёстрый* (название животному было дано по цветной пятнистой окраске). Сущ. *вилка* уже не связывается со словом *вилы*, поскольку представление о вилах в мотивированном слове у носителей языка является стёртым. Слово *немец*, в основе которого лежит представление о немом, т.е. о не говорящем на понятном славянском языке человеке, подвергается ДМ в силу расхождения исконной мотивировки в виде *немой* с фактическим употреблением сущ. *немец* по отношению к людям, которых нельзя считать немыми. Подобную неживую связь находим в словах: *рыло* «передняя часть головы у животных» и *рыть* (связь условная); *бурка* и *бурый*; *весло* и *везти*; *гнев* и *гнить*; *ветчина* и *ветхий*; *гусеница* и *ус*; *дуло* и *дуть*; *жир* и *жить*; *край* и *кроить*; *kozyрёк* и *коза*; *копьё* и *копать*; *крыльцо* и *крыло*; *место* и *мести*; *мост* и *метать*; *мука* и *мягкий*; *обойма* и *объять*; *пир* и *пить*; *плечо* и *плести*; *рубаха* и *рубить*; *рысь* и *рыжий*; *сало* и *сесть*; *сено* и *сечь*; *счастье* и *часть*; *телега* и *телец*; *угодьё* и *угодить*; *улика* и *лик*; *хлястик* и *хлестать* и др.

Несмотря на то, что между мотиватором и мотиватом наблюдается некая фонетическая близость, носители языка не осознают их семантическое сходство

и мотивационные связи. Вероятно, для современного человека с течением времени перестали быть существенными признаки, положенные в основу номинации подобных слов, т.к. при назывании тех или иных предметов оказывала действие система представлений об окружающем мире, которая существовала в разные периоды развития человечества. Название одной из четырёх сторон света *запад* было дано с опорой на мотивационный признак «падать, западать», что было связано с особым представлением об устройстве мироздания: солнце, как считали древние, западало за горизонт. С точки зрения современного носителя языка данный мотивировочный признак является несущественным, и ВФС затемняется. «Выделение одного из признаков предмета в качестве мотивировочного – не длительный процесс, а акт, причём акт, до известных пределов допускающий воздействие субъективно-личностных и ситуативных факторов. Каждое наименование в принципе имеет своего конкретного автора, создающего его в определённое время и в определённых условиях. Поэтому мотивировочный признак может быть случайным, не отвечающим сущности называемого предмета» [7, с.24].

Т.Г.Аркадьева связывает семантическое расхождение этимологически родственных слов с положением стержневой семы в структуре значения. Она может быть утрачена или трансформирована, может произойти изменение нагрузки или расщепление стержневой семы. К примеру, в слове *шурин* (от гл. *шить*), имеющем буквальное значение «тот, кто «пришит» к роду посредством брака своего родственника», стержневая сема «шить» утрачена, что и вызвало ДЭ данного слова. По мнению исследователя, в лексических единицах, ранее связанных мотивационными отношениями, «значения слов отпочковываются от семантического направления, заданного этимологом. Образование этимонимов идёт по линии накопления новых сем, в сумме превышающих пространство этимолого-семантического поля» [8, с.17].

4. Утрата образности, метафоричности, имевшей место при наименовании предмета. А.А.Потебня назвал данный процесс прозаизацией слова [9, с.418], а Л.Г.Долженкова «снятием» в имени момента языкового творчества» [10, с.168].

Между лексическими единицами исчезает былое сходство признаков, которое нередко при первоначальном представлении является субъективным и случайно возникшим. Кроме того, причиной потускнения образа в самом общем плане может служить частота его употребления. Носитель языка привыкает воспринимать образные слова как знаки, передающие просто фиксируемое ими значение. На основе метафорического мотивировочного признака формировалась когда-то ВФ слова *рожа* «морда» (экспрессивное образование на базе слова *рожа* как название болезни; *рожа* – лицо, как у больного рожей), которая для современных носителей языка уже не является живой. Результаты подобного процесса, инициирующего ДМ, нашли отражение в словах:

болван «негативно о человеке» – от сущ. *болван* «бревно, чурбан» (ср. *болванка*);

ирис «сорт конфет» – от *ирис* «цветок» (конфета отличается особой душистостью и пёстрой окраской компонентов (сахара, шоколада, сливок));

зефир «сладость» – от сущ. *зефир* «лёгкий ветер» (продукт назван по своей лёгкости, воздушности);

нёбо – от сущ. *небо* (подобие свода);

пастырь – от гл. *пасти* (пастырь наставляет верующих, наблюдает за ними, словно пасёт);

перепалка – от гл. *палить* «стрелять» (ссора напоминает перестрелку);

пещера – от сущ. *печь* (названа по внешнему сходству с печью);

поршень – от гл. *порхать* (название дано по «летающему» (при его действии) характеру);

плуг – от гл. *плыть* (плуг по сравнению с сохой кажется плывущим);

пузырь – от сущ. *пузо* (по своей вздутости напоминает пузо);

селезень – от сущ. *селезёнка* (птица названа по схожести с ярким цветом органа, селезёнка необычного тёмно-красного цвета с фиолетовым отливом);

укор «порицание» – от сущ. *укор* «сдирание кожи, одежды» (**kor* «резать»);

хвощ «трава» – от сущ. *хвост* (лесной хвощ назван по сходству с конским хвостом);

шея – от гл. *шить* (шея словно пришивает голову к туловищу).

В сущ. *копчик* «конечная часть позвоночника», образованном от диал. *кобчик* «маленький сокол, ястреб» (название кости дано по её внешнему виду, схожести с птицей) утрата ВФС обусловлена не только угасанием метафоричности, но и специализацией мотивата (слово становится медицинским термином). Аналогичным образом пережили прозаизацию и специализацию сущ.: *грыжа* – от гл. *грызть* (грызущая боль); *мышца* – от *мышь* (переносное значение возникло на том основании, что сокращение мускулов производило впечатление, будто под кожей бегают мышь); *пестик* (цветка) – от сущ. *пест* «палка» (по внешнему сходству); *скула* – от сущ. *скала* (скулы возвышаются на лице, будто скалы).

5. Демотивация наступает, когда перестаёт осознаваться метонимический перенос, который лежал в основе номинации слова. Семантический сдвиг в значении наблюдается, например, в сущ. *восток* (от гл. *востечь*) и *запад* (от *западать*), утративших значение процессуальности (действие - место действия (восхода/захода солнца)). Современное значение слов - «стороны света» - выходит за рамки ситуации, рисуя движение светила. ДМ данных слов закрепляется следующим шагом семантического развития – терминологизацией, сужением объёма понятия: одно из значений многозначного слова превращается в самостоятельную лексическую единицу. Существительные не только теряют какие бы то ни было семантические связи со своими истоками – глаголами, но и оказываются вовсе не соотносимыми с глагольной семантикой. Аналогично:

Беседа – от наречия *без* «вне, снаружи» + сущ. *седа* «сидение». *Беседа* первонач. «сидение вне дома», затем «разговор во время такого сидения», далее «разговор вообще».

Воздух – исходно «действие по гл. *воздыхать*»; далее – «то, чем мы дышим, что вдыхаем».

Забор – первонач. «действие по гл. *забрать, охватить*», затем «то, что огорожено», далее «то, чем огорожено, т.е. ограда».

Осока – первичное знач. «действие по гл. *осечь*»; далее – результат конкретизации, метонимии «растение, которым можно осечься».

6. Стирание ВФС может быть связано с малой информативностью мотивирующего признака. Если в самом общем виде мотивацию охарактеризовать как понимание менее известного через более известное, то в этом случае мотивирующее слово не выполняет предназначенной ему функции. Отсутствующая информация в мотиваторе ограничивает возможность носителей языка понять характер и способ мотивировки, и мотиватор как таковой забывается. Часто подобная неинформативность мотивирующего вызвана его принадлежностью к классу собственных имён.

Архаровец «о человеке» – от фамилии *Архаров* (московский полицейский 18 - нач. 19 вв.). У слова развилось знач. «правонарушитель», позднее «буян».

Баян «муз. инструмент» – назван по имени др.русс. певца *Бояна*.

Берданка «винтовка» – название дано по имени изобретателя американского полковника *Бердана* (1868).

Волынка «муз. инструмент» – от топонима *Волынь* (завезена из Румынии).

Канарейка «птица» – по названию Канарских островов, родины этих певчих птиц.

Общеизвестно, что выбор мотивирующего признака слова, который определяется отношением человека к обозначаемому предмету, может характеризоваться случайностью и субъективностью, он способен подчиняться «ситуативным, разовым потребностям» [11, с.101]. Существует множество примеров слов, в которых закрепилось далеко не объективное представление человека о предмете или явлении, характерное для определённой эпохи. Так, во многих существительных звукоподражательного характера, таких как *выпь, гагара, грач, гусь, коростель, кречет, пугалица, скворец, сова, сокол, удод, чайка, чечётка, чибис, чиж, щегол, баран, бык, жаба, свинья, хомяк, хряк, чушка, жук, шмель* и др., ВФ перестала осознаваться носителями языка,

главным образом, по причине малой информативности мотивировочного признака (особенностей пения птиц и криков животных). Приведённые существительные обладают достаточным количеством других, более ярких, признаков, способных актуализироваться в речи. Кроме того, природные звуки, положенные в основу номинации подобных единиц, как правило, нельзя достаточно точно и единообразно передать с помощью артикуляции человека. Есть уверенность, что разные люди пение одной и той же птицы воспроизведут и охарактеризуют по-разному. «Характер звукоподражательных слов в значительной степени зависит от фонетических особенностей конкретного языка. Человек, создающий звукоподражательное слово, должен расчленив неартикулируемый поток звуков на фонемочленимый комплекс. Это членение носит сугубо индивидуальный характер по принципу, что кому слышится и как представляется» [12, с.9]. К этой же группе слов отнесём и такие звукоподражательные существительные, как: *брюзга* (человек), *гомон*, *дрязги*, *колокол*, *лепет*, *люлька*, *пух*, *сковорода*, *сопля*, *труба*, *хрящ*, *шкварки* и др.

Таким образом, разрыв отношений мотивата и мотиватора может быть объяснён развитием фрагмента языковой системы. Немаловажную роль при этом играют лексико-семантические трансформации лексических единиц, которые подчёркивают пассивность демотивационного процесса, его зависимость от разнородных сил: языковых и внеязыковых импульсов.

ЛИТЕРАТУРА

- Наумов В.Г. Явление мотивации слов на морфологическом уровне // Актуальные проблемы русистики. Томск: ТГУ, 2000. С. 85-91.
- Гумбольдт В. Ф. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
- Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1967.
- Шелепова Л.И. Диалекты как источник этимологии. Учебное пособие. Томск, 1977.
- Абаев В.И. Язык как идеология и язык как техника // Язык и мышление. Л., 1934. Вып. 2. С. 35 – 36.
- Булаховский Л.А. Введение в языкознание. Ч.2. М.: Изд. Министерства просвещения РСФСР, 1953.
- Голев Н.Д. Ономазиология как наука о номинации. Статья 2. О некоторых общих вопросах лексики и семантики в связи с разграничением ономазиологического и семасиологического подходов // Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1977. С.13 – 23.
- Аркадьева Т.Г. Преобразование этимологических связей слов в системной организации лексики русского языка: Автореф. дисс... докт. филол. наук. Ленинград, 1990.

Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989.

Долженкова Л.Г. Опрощение отглагольных субстантивов: структурно-семантическое измерение: Дисс... канд. филол. наук. Кемерово, 2000.

Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск: ТГУ, 1989.

Сетаров Д.С. Именованье животных: принципы и типы мотивации в славянских и тюркских языках: Автореферат дисс... доктора филол. наук. М., 1992.

Е.А.Гордиенко

Волгоградский государственный педагогический университет

г.Волгоград

КАТЕГОРИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА УНИФИКАЦИИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ АНТОНИМО- СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Расплывчатый характер естественного языка обуславливает широкую зону действия градации в языке, применимость шкалирования к разноплановым языковым явлениям. Чем более размыто представление о языковой категории, тем более актуально применение градации и других упорядочивающих приемов исследования.

В основе всех семантических типов категории интенсивности лежат трехчленные оппозиции, отражающие положение данного признака относительно соответствующей нормы (узуальной,okkaзиональной, идеальной) – «выше нормы», «равно норме», «ниже нормы». Среди семантических классов категории интенсивности основным носителем ее категориального значения служит количественная интенсивность.

Коль скоро речь идет об объективной количественной определенности, то возникает искушение ее сосчитать и измерить. С этой целью выстраиваются схемы или шкалы интенсивности, с помощью которых и определяется «объективное количество признака».

Разделяемая «точкой отсчета», шкала распадается на две части: верхнюю, соотнесенную с возрастающим признаком, и нижнюю – с убывающим.